

Всероссийский конкурс исследовательских и проектных работ школьников  
«Высший пилотаж»

**О некоторых возможных подтекстах элегии К.Н. Батюшкова «Выздоровление»**

Исследовательская работа

Направление «Филология»

Автор: **Володько Александр Павлович**,  
учащийся 10Б класса, МБОУ «Классическая  
школа г.Гурьевска»  
г.Гурьевск, Калининградская область

2025г.

## Аннотация

В настоящей статье рассматриваются некоторые возможные подтексты элегии К. Н. Батюшкова «Выздоровление» (1807), вошедшей в его знаменитые «Опыты в стихах и прозе». Текст элегии сопоставляется с различными поэтическими и прозаическими текстами разных литератур ( римской, французской и русской), рассматриваемых нами, как ее возможные подтексты. Наше мнение подкрепляется работой с биографическими материалами и другими поэтическими и прозаическими вещами Батюшкова, что помогает определить степень его ознакомленности с разбираемыми нами текстами и степень его вовлеченности в творчество их авторов (Вергилия, Ронсара, Малерб, Фенелона, Ломоносова, Хераскова и др). Некоторые проблемы творчества Батюшкова только ставятся нами в этой статье, но тем не менее помогают в работе над основными ее вопросами. Исследование подкреплено подробными примечаниями и справочным аппаратом.

## Введение

Вопросу взаимоотношения стихотворных текстов К. Н. Батюшкова с обширным количеством текстов мировой и русской литературы не раз было уделено внимание зарубежных и российских исследователей. Самых явных его аспектов - влияния литератур античности, Италии эпохи Возрождения, Франции 17-18 вв. и русской литературы 18 в. мельком коснулись еще первые наблюдатели и оценщики творчества Батюшкова—П.А. Плетнев (Заметка о соч. Жуковского и Батюшкова), В. Г. Белинский (Соч. в прозе и стихах Конст. Батюшкова 1834 г.; Соч. Александра Пушкина) и А.С. Пушкин(см. Пушкин 1949: ). Затем, в конце 19 века большой вклад в более тонкое и углубленное изучение этого влияния внесли блестящие исследователи русской литературы «золотого века», подготовившие трехтомное собрание сочинений Батюшкова (1885-1887), -- Л. Майков и В. Саитов. Составленный ими комментарий к этому собранию, прекрасно отражает взаимоотношения Батюшкова с мировой и русской литературой. В 20 веке, когда интерес к Батюшкову вырос, причем не только у нас, но и за рубежом появляются отдельные статьи и монографии, посвященные взаимодействию творчества поэта с западноевропейской литературой. В частности, глубоко рассматривается связь Батюшкова с западноевропейскими элегиками ( более всего с Э. Парни)—в статьях Н.П. Верховского ( Н. П. Верховский. «Батюшков» («История русской литературы», т. 5. М.—Л., 1941)), В.Н. Топорова ( Топоров 1969) и поэтами итальянского Возрождения – Петраркой, Ариосто и Тассо—в статьях А. Некрасова «Батюшков и Петрарка» (« ИОРЯС» имп. Акад. Наук, 1911, т.16, кн.4), N. Contieri «Batjuskov e il Petrarca» («An. ...ist. Univer. Orient. di Napoli». Sez. Slava, II. Napoli, 1959), Р.М. Гороховой «Из истории восприятия Ариосто в России (Батюшков и Ариосто)» ( В кн.: «Эпоха романтизма. Из

истории мнeждународных связей русской литературы». Л, 1975), монографиях М. F. Varese «Le Tasso nella poesia e nella critica di uno scrittore russo dell' Ottocento: K. N. Batjushkov» (Bergamo, 1969) и «Batjuskov—un poeta tra Russia e Italia» ( Padova, 1970). Большую ценность имеют также примечания, составленные И. М. Семенко к изданию «Опытов в стихах и прозе» 1977 г. (далее Батюшков 1977) и имеющие, как нам кажется некоторые преимущества в вопросе атрибуции цитат из западноевропейской поэзии и прозы в произведениях Батюшкова не только над комментариями Майкова и Саитова, но и над комментариями классика батюшковедения Н. В. Фридмана в «Полном собрании стихотворений»(Батюшков 1964). Эту устоявшуюся исследовательскую линию во многом продолжает современный литературовед, специалист по творчеству Батюшкова и поэтов пушкинского времени - И.А.Пильщиков. Среди его работ мы выделим монографию «Батюшков и литература Италии: филологические разыскания» (М.: Языки славянской культуры, 2003) и ряд статей, содержащих ценные и тонкие наблюдения над цитатностью и интертекстуальностью в поэзии и письмах Батюшкова (Пильщиков 1994;1995; 1999; 2009). Некоторыми из этого все же небольшого количества работ мы будем пользоваться и в нашем исследовании. Отметим также любопытную статью Р. Л. Шмаракова , «Горацианское убранство «Беседки Муз» Батюшкова» (Р.Л. Шмараков// Воп. лит. – 2008- №3.- С. 97-119)

Интерес к этой стороне творчества Батюшкова прежде всего объясняется тем, что большой и важной частью его наследия являются переводы и подражания. Притом такие переводы в которые поэт-переводчик стремится интегрировать как можно больше черт своей индивидуальной поэтики и тем самым впустить переводимые вещи в свое «поэтическое хозяйство» и такие подражания, когда автор не пытается создать нечто абсолютно эквивалентное произведениям того, кому он подражает, а опять же пропустить его особенности через собственную поэтическую лабораторию. Процессы перевода и подражания, т. е. соприкосновений с иноязычной культурой сильно повлияли на становление и развитие поэтики Батюшкова и во многом определили ее рецепцию в дальнейшем<sup>1</sup>.

Но несмотря на живой интерес исследователей к этой теме на протяжении практически всего 20-го столетия, львиная доля подтекстов в поэзии Батюшкова, в частности из античной поэзии, не атрибутирована и не исследована. В этом мы видим актуальность данного исследования.

*Объект исследования:* элегия К. Н. Батюшкова «Выздоровление».

*Предмет исследования:* подтексты из западноевропейской и русской литератур в элегии.

*Цель работы:* изучение найденных нами подтекстов (пока что И.М. Семенко выявлен только один—заключительный стих 352 сонета Петрарки ( Батюшков 1977:538)) элегии в связи с остальным творчеством и биографией Батюшкова.

### *Задачи работы:*

1. Провести литературную историю, найденных нами подтекстов.
2. Понять, как эти подтексты соотносятся с литературными пристрастиями Батюшкова.
3. Определить, каково место этих подтекстов в поэтическом мире Батюшкова.

### **Основная часть**

Для программной элегии К. Н. Батюшкова "Выздоровление" (1807), вошедшей во 2 ч. сб. «Опыты в стихах и прозе» ( основополагающим является изящное, «цветочное» сравнение, которое легко и непринужденно циклизует его, открывает и замыкает ,становясь фактически центральным, но при этом не лишено некоторой дуальности, которую создает поэтические связки «любовь-смерть» и «любовь в смерти» характерные для поэзии эпохи романтизма:

Как ландыш под серпом убийственным жнеца

Склоняет голову и вянет,

Так я в болезни ждал безвременно конца,

И думал: Парки час настанет.

Уж очи покрывал Эреба мрак густой,

Уж сердце медленнее билось:

Я вянул, исчезал, и жизни молодой,

Казалось, солнце закатилось.

Но ты приблизилась, о, жизнь души моей

10 И алых уст твоих дыханье,

И слезы пламенем сверкающих очей,

И поцалуев сочетанье,

И вздохи страстные, и сила милых слов

Меня из области печали,

От Орковых полей, от Леты берегов

Для сладострастия призвали.

Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой

Тобой дышать до гроба стану.

Мне сладок будет час и муки роковой:

20 Я от любви теперь увяну.

( Батюшков К. Н. Соч. Т. 1: Опыты в стихах и прозе. Произведения не вошедшие в "Опыты..." / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Кошелева. — М. : Худ. лит., 1989: 174 ; далее Батюшков 1989 Т. 1)

Итак, сравнение с умирающим цветком мы встречаем еще в начальных строках:

Как ландыш под серпом убийственным жнеца

Склоняет голову и вянет,

А затем имплицитно, определяемое только использованием глагола «вянуть» :

Я вянул, исчезал, и жизни молодой,

Казалось солнце закатилось.

И в завершении :

Мне сладок будет час и муки роковой:

Я от любви теперь увяну.

Сразу скажем, что реминисценция с участием этого образа встречается в элегии «Воспоминание» (1807-1809), составляющей с «Выздоровлением» диптих ( см. Батюшков, Семенко 1977: 538) :

Рукой закрыв тяжелу рану,

Едва ли на заре сей жизни не увяну. (Батюшков 1989 Т.1: 172)

И в элегии «Привидение» (Из Парни) (1810):

С утром вянет жизни цвет; ( Батюшков 1989 Т. 1: 176)

Сравнение такого типа не только не уникально для поэзии Батюшкова (а напротив встречается в «Опытах» несколько раз), но и является поэтическим штампом для его эпохи , а также предшествующего ей 18 века. Однако в элегии Батюшкова такое значение, по нашему мнению, дискредитируется искренностью поэтической интонации и сложной преемственностью элегической традиции. Эту традицию и возможные взаимосвязанные между собой источники сравнения мы и попытаемся разобрать в 1 части нашей работы.

Как мы знаем начальные строки этой элегии, содержащие исследуемый нами образ, примечательны прежде всего содержащейся в них ошибкой, которую отметил А. С. Пушкин в <Заметках на полях 2-й части "Опытов в стихах и прозе" К. Н. Батюшкова> --«Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных» (Пушкин 1949: 257-284)

2. Это пушкинское уточнение поможет расширить нам область поэтических определений (не только серп, но и коса применительны к данной ситуации), когда мы перейдем к русскоязычным подтекстам элегии.

Итак, мы начнем с западноевропейских влияний и источников, первыми из которых будут некоторые места «Энеиды» Вергилия, который для Батюшкова, наравне с Катуллом, Горацием,

Овидием, Тибуллом, Проперцием и Ювеналом является эталоном латинской поэзии( см. напр. Майков, Саитов т.1 1887: 19).

В 9 книге "Энеиды" Вергилия мы находим почти идентичное батюшковскому сравнению ( вспомним, что сравнение характерно для эпической поэмы<sup>3</sup>) в том месте, где описывается смерть спутника Энея- Эвриала в битве с рутулами от руки их предводителя Вольцента:

Purpureus veluti cum flos succisus aratro  
languescit moriens... (Virg. Aen. 9, 435-436)

Так пурпурный цветок, проходящим срезанный плугом

Никнет, мертвый, к земле...

(9, 435-436, пер. С. Ошерова) ( Вергилий. Буколики. Георгием. Энеида. / М. : Худ. лит., 1979: 318)

А в 11 книге с цветком в преддверии увядания, в сцене своего погребения ( позднее, в 1809-1810 в Записной тетради Батюшков перескажет некоторые декоративные ее детали прозой см. далее), сравнивается один из центральных персонажей поэмы—Паллант, также друг и сподвижник Энея, сраженный царем рутулов Турном:

qualem virgineo demessum pollice florem  
seu mollis violae seu languentis hyacinthi,  
cui neque fulgor adhuc nec dum sua forma recessit;  
non iam mater alit tellus virisque ministrat. ( 11, 68-71)

Сам он подобен цветку, что рукою девичьей сорван, —

Нежной фиалке лесной, гиацинту, склоненному томно:

Яркий цвет и красу до поры хранит он, но только

Мать-земля уж его не питает свежеею силой. (Пер. С. Ошерова, Вергилий 1979: 355)

Считать эти места Энеиды подтекстами сравнения вполне правомерно, т.к. Батюшков рос на латинской литературе( см. Батюшков, Кошелев т. 1 : 10-11), читал её в оригинале и французских переводах, "восклисал с лебедем Мантуи" в своих письмах и статьях, в его "Опытах" есть вольные переводы элегий Тибулла, а его главными собеседниками были известные любители древности Н. Ф. Кошанский, А. Н. Оленин, Н. И. Гнедич, В. Жуковский.

Рассмотрим взаимодействие Батюшкова с Вергилием на протяжении нескольких периодов его жизни.

Судя по всему, знакомство с Вергилием и поклонение перед ним началось ещё в 1791-1797 гг. в родовом имении Батюшковых, т. к. обширная библиотека усадьбы Даниловского располагала поэмами Вергилия. Окончательно оно дооформилось благодаря наставничеству М. Н. Муравьёва, дяди поэта, у которого он жил в 1802-1806 гг. Муравьёв по словам исследователя и биографа Батюшкова В. Кошелева "открыл Батюшкову многообразный мир классической древности" (Кошелев 1987.: 36)

Далее следы виргилианского влияния мы находим в 1809-1810 гг. (в 1809 написано ст. "Видение на берегах Леты" с пародической реминисценцией из Энеиды (посещение Элизия) и насмешкой над переводами из Вергилия А. Ф. Мерзляковым). В Листах из записной тетради этого времени он пересказывает некоторые места Энеиды (Батюшков К. Н. Соч. Т. 2: Из записных книжек; Письма. / Сост. подгот. текста, коммент. А. Зорина. —М.: Худ. лит., 1989: 9-10), цитирует Вергилия в переписке с Н. Гнедичем (см. напр. письмо от 6 сентября 1809 г.) 4

В 1809 году также была написана "Эпиграмма на перевод Вергилия", вольный перевод эпиграммы Жана-Луи Лайа (1761-1833) на французский перевод первых четырёх книг "Энеиды" сделанный Н. Бекё (Батюшков. Сочинения под ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. 1, СПб 1885: 323). Она направлена как упоминалось выше на перевод А. Ф. Мерзляковым, знакомым Батюшкова, "Эклог" Вергилия (1807).

На 1811-1815 гг. пожалуй пришелся пик восторженного отношения Батюшкова к Вергилию. Здесь мы позволим себе процитировать отрывок из статьи А. С. Янушкевича «Книги К. Н. Батюшкова в библиотеке В. А. Жуковского» хорошо это отношение обрисовывающий: «Вообще в 1811 - 1815 годах Вергилий был «на слуху» у Батюшкова: он цитирует стихи из «Энеиды», использует характеристики поэта, «воскликает с поэтом Мантуи». Письма к Н.И. Гнедичу от 1811 года и статьи «Письмо к И. М. М<sup>уравьеву</sup>-А<sup>постолу</sup>», «Путешествие в замок Сирей», «Прогулка в Академию художеств» (1814); «Нечто о поэте и поэзии», «Ариост и Тасс», «Петрарка» (1815) - свидетельства постоянной памяти Батюшкова об авторе «Энеиды».» (Янушкевич 1989: 5)

В этой же статье указано какое издание "Энеиды" было в книжном собрании Батюшкова. Это *L'Eneide, traduite en vers Jacques Delille. Paris, 1804*, известный перевод александрийским стихом французского поэта классициста Жака Делиля (1738-1813) с параллельными текстами и комментарием — одно из лучших изданий Энеиды того времени (выписки из примечаний Ж. Мишо к этому переводу находятся в записной книжке Батюшкова 1817 г. "Чужое: моё сокровище!" -Батюшков т.2 1989: 595; Соч., т 2 1885: 312-313)(Янушкевич 1989: 5-6).

Эта подробность дает нам возможность для полноты нашего представления о чтении и восприятии Батюшкова, сопоставить элегию с «цветочными» местами «Энеиды» в переводе Ж. Делиля (это поможет нам перейти к следующим, французским подтекстам). К сожалению мы

можем привести только одно из этих мест, т.к. не имеем доступа к 3 тому «L'Eneide», в котором находится другое. Итак:

Ainsi de nos bosquets la rose matinale,  
Que cueille avant l'aurore une main virginale  
Pour en parer son sein' ou ceindre ses cheveux,  
D'un reste de beaute lurille encore a nos yeax  
Mais du sol maternel une fois separee,  
Sa feuille se fletrit et meurt de coloree.

(11, 99-104)

Дословный перевод:

Так утренний цвет из наших рощ,  
Срываемый перед рассветом девической рукой  
Чтобы украсить им грудь или вплести его в волосы ,  
Часть (его) красоты все еще сияет в наших глазах;  
Но отделившись от материнской почвы однажды,  
Его лист увядает и теряет цвет.

(L'Eneide. Tome quatrieme, 1804: 131)

Мы видим , что цветок в переводе Делиля, в сравнении с латинским оригиналом имеет одну важную особенность – он «matinale», утренний, что еще более сближает его с ландышем Батюшкова, который является персонификацией молодого поэта, думающего , что:

...и жизни молодой,  
Казалось солнце закатилось,  
боящегося конца утра или дня; или в «Привидении»--  
С утром вянет жизни цвет.

Теперь мы позволим себе сделать небольшой экскурс. Схожую с вышеприведенными стихами «Энеиды» по смыслу фразу, мы находим в «Разных замечаниях»-- записной книжке Батюшкова 1810-1811 гг. Это хрестоматийная цитата из ст. Франсуа Малерба (1555-1628), чья поэзия отчасти подготовила эстетику классицизма, «Stances, Consolation a Monsieur du Perier sur la mort de sa fille» ( Стансы, утешение г-ну Дюперье по поводу смерти его дочери) (1598) (Батюшков , Зорин Т.2 1989: 595). Но приведена она не в контексте смерти юноши , как то у Вергилия, а в контексте в смерти девушки:

«НЕ УМРЕ, СПИТ ДЕВИЦА

Эти слова взяты, конечно, из Евангелия и весьма кстати приложены к девице, которая завяла на утре жизни своей, *et rose elle a vecu ce que vivent les roses l'espace d'un matin...1*» ( 1 роза, она прожила столько, сколько предназначено утренним розам...)(Батюшков Т.2 1989: 30)5.

Видно, что ст. Малерба, кстати компетентного в древности, повлияло, как считает И.Пильщиков (Пильщиков 2009: 253-254, на Батюшкова даже не через перевод Делиля, влияние Малерба на которого бесспорно (но с оговоркой, что для французской поэзии Ренессанса, барокко и классицизма такое место скорее является общим), как можно было предполагать, а напрямую. Таким образом мы имеем еще один подтекст образа цветка, на этот раз косвенный.

Но и у Батюшкова есть стихотворения, в которых гибнущая девушка или молодость (а не сам лирический герой) уподобляется умирающему цветку. Все они также, как «Выздоровление» являются элегиями, входят в начальную часть «Опытов в стихах», расположены в ней недалеко друг от друга и навеяны Э. Парни. Это «Источник» (Персидская идиллия)(1810), «На смерть супруги Ф.Ф. Кокошкина» (1811) и «К другу»(1815). Они позволяют нам чуть расширить область подтекстов, добавив в них важный, как мы покажем далее текст. Это ода Пьера де Ронсара (1524-1585) «A sa maistresse» (Les Amours, 1553, Le premier livre des odes, 17) которая, как нам кажется повлияла на вышепер. тексты Батюшкова не меньше, чем стансы Малерба.6 Ронсар, как и Малерб был глубоким знатоком древности, а также вводил ее в современную ему французскую культуру, поэтому в его случае уместно говорить о продолжении вергилианской традиции7. Приведем полный текст оды с переводом:

Mignonne, allons voir si la rose

Qui ce matin avoit disclose

Sa robe de pourpre au Soleil,

A point perdu ceste vespree

Les plis de sa robe pourpree,

Et son teint au vostre pareil. 8

Las ! voyez comme en peu d'espace,

Mignonne, elle a dessus la place

Las ! las ses beautés laissé choir (3) !

Ô vraiment marâtre (4) Nature,

Puis qu'une telle fleur ne dure

Que du matin jusques au soir !

Donc, si vous me croyez, mignonne,

Tandis que votre âge fleuronne  
En sa plus verte nouveauté,  
Cueillez, cueillez votre jeunesse :  
Comme à ceste fleur la vieillesse  
Fera ternir votre beauté.

(ПП 1984: 32)

Пойдем, возлюбленная, взглянем  
На эту розу, утром ранним  
Расцветшую в саду моем.  
Она, в пурпурный шелк одета,  
Как ты, сияла в час рассвета  
И вот – уже увяла днем.

В лохмотьях пышного наряда —  
О, как ей мало места надо!  
Она мертва, твоя сестра.  
Пощады нет, мольба напрасна,  
Когда и то, что так прекрасно,  
Не доживает до утра.

Отдай же молодость веселью!  
Пока зима не гонит в келью,  
Пока ты вся еще в цвету,  
Лови летящее мгновенье —  
Холодной вьюги дуновенье,  
Как розу, губит красоту.

(Пер.В. Левики) ( ПП 1984: 33)

Сопоставим ее с отдельными строками «Источника», который является переложением одноименной прозаической «персидской идиллии» Э. Парни (Батюшков, Семенко 1977: 545) 9 и в котором есть фраза взятая из Тибулла( 1, 6—«Дева любви!—я к тебе прикасался»; Семенко 1977: 545), что сближает его с «античным» «Выздоровлением»:

Зафна! Приблизься; для девы невинной  
Пальмы под тенью здесь роза цветет;  
<...>

Зафна, о Зафна!... смотри... там, в водах,  
Быстро несется цветок розмаринный;  
Воды умчались—цветочка уж нет!  
Время быстрее, чем ток сей пустынный,  
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть, и младость!..  
<...>

Вздохи любви—источник пустынной  
С ревом и с шумом умчит по полям! (Батюшков 1989 Т.1:192),

С последними двумя катренами «На смерть супруги Ф.Ф. Кокошкина», которое написано немного вольной имитацией того размера (чередование 6-стоп. двусложников с 3-стоп.— беспрецедентное в лирике Батюшкова), каким написаны «Стансы» Малерба (Пильщиков 2009: 253-254) , с использованием мотивов ст. Э. Парни «Le tombe d'Escharis» (Батюшков 1989 Т.1: 455):

Все вокруг уныло! Чуть Зефир весенний  
Памятник лобзает;  
Здесь, в жилище плача, тихий смерти гений  
Розу обрывает.

Здесь Гимен, прикован, бледный и безгласный,  
Вечною тоскою,  
Гасит у гробницы свой светильник ясный  
Трепетной рукою! ( Батюшков 1989 Т.1: 193);

Не преминем сказать, что «памятник» в этом стихотворении наводит на мысль об упомянутой нами записи в Зк Батюшкова. Как и запись ст. посвящ. смерти юной девушки , что говорит о прямом влиянии «Выздоровления» на это «стихотворение на случай».

Сопоставим наконец с 10 и 11 катренами «К другу» (обр. к П.А. Вяземскому), которое не только намекает на смерть В.И. Кокошкиной ( Батюшков 1977: 548), что не совсем точно, но , главным образом ( что не замечено комментаторами) посвящено ранней смерти А.Д. Полторацкой о которой Батюшков пишет Вяземскому в письме от 25 марта 1815 г. (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1416.) 10 :

И в тихой радости, как путник средь песков,  
Прелестным цветом любовался.

Цветок (увы!) исчез, как сладкая мечта!

Она в страданиях почил...

Сопоставив все эти строки с одой Ронсара, написанной на одну тему с ними, мы приходим к выводу, что частое, как можно заметить, обращение Батюшкова к мыслям этой оды делает возможным ее влияние и на «Выздоровление», что ставит ее в определяемый нами поэтический традиционный ряд.

Но, вернемся к Вергилию. В 1818-1820 гг. , во время путешествия Батюшкова в Италию , он не перестает быть для поэта живым и нужны. Теперь он служит Батюшкову, как новому Данту, проводником по тем местам Италии, которые описаны в его трехкнижии. В письме к Е.Ф. Муравьевой от 20 июня 1819, например читаем : «...вооружусь Вергилием и по следам Энея стану отыскивать поля Элисейские, которые у нас в виду» (Батюшков 1989 Т. 2: 546).

Остановимся на Элизиуме («рощи блаженных» Вергилия ( Аен. 6.724-747)), образ которого был крайне важен для Батюшкова 11( он появляется также в «Сне могильца»(1808), «Видении на берегах Леты»( 1809), «Элизии» (1810), «Элегии из Тибулла» (1811)( в этой элегии Тибулла ( 1, 3) содержится первое из дошедших до нас описаний Элизиума в римской литературе, см. Пильщиков 2004: 89), «Воспоминаниях»(1815), статье «Петрарка»( 1815)). В «Выздоровлении» он назван «Орковыми полями», что вместе с «Парки час», «Эреба мрак густой», «Леты берегов» составляет античный колорит элегии. Обилием античных топонимов загробного мира и можно объяснить наличие цитат из Вергилия , в чьей «Энеиде» образ срезанного цветка расценивается, как образ перехода и последних приготовлений к загробной жизни (в 11 песне цветок даже назван, это гиацинт – символ загробного мира у древних греков ). На их фоне он и должен рассматриваться.

Помимо этого, в лирике Батюшкова присутствуют и другие реминисценции из латинской поэзии ( преимущественно из Горация и любимого Тибулла 12). Л. Майков, например,

усматривает «горацианский образ» (нач. 15 эпода Горация) в «Элизии» (1810) (Майков, Саитов 1887: 315), И. Пильщиков в этом же ст. находит влияние метрической и стилистической вариации 15 эпода Горация—2-го стихотворения «Basia» (Поцелуи) неолатинского поэта Иоанна Секунда и «Героид» Овидия (Epist. 5, 47-48). Пильщиков говорит также о влиянии Секунда на «Элегию из Тибулла» (1811) и на влияние описания Элизия Тибуллом (1, 3, 63) на «Элизий». О влиянии Горация на стихи за пределами «Опытов» см. Пильщиков 1999: 54-55. Р. Шмараков пишет о Горации и «Беседке муз» (1817) (Шмараков 2008).

Теперь, как обещали выше, от латинского перейдем к следующему, центральному подтексту. Это отрывок из 3 книги «Приключений Телемаха» (1699) Франсуа Фенелона (1651-1715), романа, который был настольной книгой всех образованных людей 18-нач. 19 вв. Мы смеем предполагать, что элегия Батюшкова является вольным переложением этого отрывка, на что указывают стилистические и образные сходства, а также отношение Батюшкова к Фенелону, которое мы рассмотрим далее. Мы приводим центральный подтекст после подтекстов из Вергилия, Ронсара и Малерба, т.к. Фенелон сам не был лишен их влияния (особенно Вергилия 12):

"Quand Ulysse, lui dis-je, partit pour aller au siège de Troie, il me prit sur ses genoux et entre ses bras (c'est ainsi qu'on me l'a raconté); après m'avoir baisé tendrement, il me dit ces paroles, quoique je ne pusse les entendre: Ô mon fils! que les dieux me préservent de te revoir jamais; que plutôt le ciseau de la Parque tranche le fil de tes jours lorsqu'il est à peine formé, de même que le moissonneur tranche de sa faux une tendre fleur qui commence à éclore; que mes ennemis te puissent écraser aux yeux de ta mère et aux miens, si tu dois un jour te corrompre et abandonner la vertu!" (Fenelon 1794: L. 3, p. 36-37)

Приведем также данный отрывок в переводе И. Захарова (1786), с «Телемаком» которого Батюшков мог познакомиться еще в отцовской библиотеке:

«Отъезжающий к облежанию Трои Улисс, рек я, взяв меня на в объятия, посадил на свои колена; (так мне о сем повествовали) и нежно целуя, сии вещал ко мне слова, хоть я и не мог еще разуметь оных; О сын мой! боги да не допустят меня вечно тебя увидеть; Парка неумолимая пусть прережет нить жизни твоей 13, когда еще она едва токмо началась, подобно как жателъ серпом своим пожинает нежный, наченшийся только распуцаться цвет; паче да сотрут тебя враги мои при очах матери твоей и моих, нежелъ ты когдалибо развращенный отшатишься добродетели. (Фенелон 1786, кн. 3: 72-73)

Мы видим, что этот, выдержанный в почти библейских интонациях, отрывок (увещания Улисса Телемаку) от которого и пошло заблуждение Батюшкова относительно серпа и косы (Пушкин), своими сравнительными оборотами (Парка, цвет—атрибуты гибели или, как у Тибулла смерти) почти дословно совпадает с текстом элегии Батюшкова:

Это напоминает нам об «Илиаде», перевод отрывков из которой Гнедич издаст в 1815 г., а затем в полном составе и в переводе более близком к подлиннику в 1829, и которая помимо других достоинств содержит сцены легендарной дружбы между Ахиллом и Патроклом ( напр в 17 и 23 песнях), повлиявшие на «Стон» (который в свою очередь повлиял на первый перевод Гнедичем

23 песни). На эту же тему написана баллада Жуковского (друга Батюшкова) «Ахилл»(1815), в которой также есть образ Парки :

Близок час мой; роковая

Приготовлена стрела;

Парка, жребию внимая,

Дни мои уж отвила;

И скрепят врата Аида. (Жуковский 1959: 66)

У Батюшкова тема дружбы или оплакивания близкого друга ( занесенная в русскую поэзию Шиллером , см. его ст. «Могильная фантазия»(1780), «Элегия на смерть юноши»(1781), «Дружба»(1781) и великолепно подхваченная В. В. Капнистом в ст. «На смерть друга моего»(1803), которое повлияло на размер и строфику батюшковского «На смерть супруги...»(1811) (Батюшков, Кошелев 1989 т 1: 455)) есть в элегии «Дружество»( 1811-1812), которая является вольным переводом из Биона (Разные стихотворения, 9) и опирается на перевод Биона Н. Кошанским в его сб. «Цветы греческой поэзии»( М., 1811) ( М., С. Т. 1 1887; 353), т к Батюшков не знал древнегреческого, а Н.Ф. Кошанский равно, как и М. Муравьев обучал Батюшкова и прививал любовь к классической древности( см. М., С . т 1 1887: 19). В ней описываются античные примеры дружбы—Тезей и Пирифой, Орест и Пилад , Ахилл и Патрокл, чем она возможно повлияла на «Ахилла» Жуковского ( Семенко 1977: 540).

На данную тему также написана , вероятно не без влияния Гнедича, элегия «Тень друга»(1814)( памяти И.А. Петина, с эпиграфом из Проперция).

Тема дружбы и смерти имеют большое значение для Батюшкова. Его «Выздоровление» имеет еще одно важное пересечение с «Энеидой» Вергилия, элегиями Тибулла, «Телемаком» Фенелона , творениями Гнедича. В нем описывается близкая или уже наступившая смерть юноши-воина ( Батюшков в июне-июле 1807 г , после ранения, полученного под Гейльсбергом находился в доме рижского купца Мюгеля ( Семенко 1977: 538)).

Однако, вернемся к Фенелону. Батюшков оценивал его крайне высоко, доказательство чему сравнение его слога со слогом М. Н. Муравьева, главного учителя и близкого друга Батюшкова, в статье «Письмо к И.М. Муравьеву-Апостолу»(1814). По этому поводу Батюшков пишет: «Та же чистота и точность выражений, стройность мыслей; то же сердечное, убедительное красноречие. Образованный в училище древних, его слог сохранил на себе их печать неизгладимую: простоту, важность и приличие.»( Батюшков 1989 т 1: 71). То же в письме Жуковскому от 3 ноября 1814: «...я говорил о нашем Фенелоне с чувством»( Б. 1989 т 2 :309). Не исключено, что Батюшков вместе с Муравьевым не раз читали Фенелона «Телемака».

Фенелон всегда ставится Батюшковым в ряды великих французов. Например он пишет в письме Дашкову от 25 апреля 1814 : «...статуи великих людей: Сюлли, Монтескье, Боссюета и Фенелона» ( Б. т 2 1989: 277).

Перейдем к завершению нашего исследования и скажем несколько слов о русскоязычных подтекстах «Выздоровления». Для этого вернемся к «Стону при гробе М-а» Гнедича , в котором есть строки о цветке и косе. Они появились не без влияния нескольких русских поэтических произведений, как и элегия Батюшкова ( Пушкин , поправляя ее, подразумевал возможно русскую аллегорическую традицию, а не только реальные обстоятельства). Рассмотрим их.

Первым идет Симеон Полоцкий , в чьем поэт. сборнике «Вертоград многоцветный» ( 1676-1680) встречаем миницикл «Живот», в котором есть ст.(4) с такими строками :

Живот человеческий скоро претекает,  
ибо, яко цвет селный, тако отцветает.

<...>

И се навечер коса смерти посекает,  
прекрасный цвет юности во тлю обращает. ( Polockij 1999: 657)

Затем строки из анонимной школьной интермедии «Слава печальная»(1725), посвященной смерти Петра 1. На нее, как и на последующих авторов, уже возможно мог повлиять роман Фенелона , о чем говорит обилие античных фигур ( в том числе парок):

Выцвел цвет в поли,  
Быть еще нет воли,  
Бежит к нему коса,  
Сама весьма боса;  
Тотчас его скосило,  
Сердце всем уныло.  
Цвет бо когда упал,  
Страх всем напал. (Слова Предуведения; ПП 2 2006: 68)

В данном случае ( и в последующих) цвет является эмблематическим символом быстротечности времени.

То же у Ломоносова в «Кратком руководстве к риторике..»(1744): «Аллегория есть совокупление подобных метафор, н.п.: *смертная коса цвет юности подсекал*. В сем примере коса и цвет суть две совокупленные метафоры.»( пар. 89)( Ломоносов 1952: 53)

И у Хераскова в ст. «Время»(1800):

Ни юных лет не уважает,

Веселостей, ни красоты:

На что ни взглянет- пожинает,

Как сельные коса цветы. ( Херасков 1961: 134)

Все эти вариации одного образа берут свое начало в литургической поэзии, что требует отдельного исследования. Мы приводим здесь далеко не все вариации этого образа в русской поэзии 17-18 вв.

## Заключение

Множество раз сопоставив текст элегии К.Н. Батюшкова «Выздоровление» с текстами различных литератур и жанров, мы пришли к выводу, что она является важным звеном историко-литературного ряда, берущего начало в римской поэзии (Вергилий, Тибулл) и заканчивающегося в русской романтической поэзии 19 в. ( Батюшков, Гнедич, Жуковский). На примере скрупулезного исследования двух образов этой элегии( срезанный цветок, Парка) мы убедились в важности исследования лит. реминисценции и историко-литературного анализа поэтических, подчас даже клишированных образов .

## Примечания

1. О переводах Батюшкова см. Л. Н. Майков. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896, стр.74-75; Н. П. Верховский 1941; Г.А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. 1965; В.Н. Топоров 1969; И.М. Семенко. Поэты пушкинской поры. М., «Худ. лит.», 1970, стр. 34-37, 55-56; Н.В. Фридман. Поэзия Батюшкова. М., «Наука», 1971, стр.123—140; Е. Эткинд. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 121-124; Р.М. Горохова 1975; И.М. Семенко. Батюшков и его «Опыты», стр. 450-453. В кн. : К. Н. Батюшков. Опыты... М., «Наука», 1977; О. А. Проскурин. Батюшков и поэтическая школа Жуковского. В кн. : «Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацура». М.. НЛЮ, 1995; И. А. Пильщиков 2006; С.В. Рудакова. К.Н. Батюшков и Е.А. Баратынский: «Диалоги» с Парни, Libri Magistri. N 1, 2015.

2. Об этом см. : Комарович В. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова.—Лит. наследство, т. 16-18. М. – Л., 1934 ; Проскурин О. Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова// НЛЮ. – 2003.- № 64; Балакин А. Ю. Еще о прагматике и датировке пушкинских помет на второй части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова // Slavica Revalensia. — 2016. — № 3. — Рр. 9–28; Кошелев В. А. Об одном давнем «парадоксе»: Жанр маргиналий А. С. Пушкина на «Опытах в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова//Проблемы исторической поэтики. - 2018.- том 16.- н. 3.- С. 7-49.

В. Набоков замечает, что Пушкин в "Евгении Онегине" (2, 21) под явным влиянием Э. Парни

(«Эротические стихотворения», кн. IV, элегия IX : " Belle de ta seule candeur,/Tu semblois une fleur nouvelle" <Прекрасная своим душевным чистосердием, / Ты казалась новым цветком> (Пер. В. Набокова)) ,почитаемого Батюшковым ( в его "Опытах" есть вольные переводы из "Эротических стихотворений" и среди них перевод 9 элегии, под названием "Мщение" (1815), который по мнению О. Проскурина Пушкин в данном месте ЕО ,а еще более в его черновом варианте (VI, 287) тонко пародирует ( Проскурин 2003) ) , сравнивает Ольгу с "ландышем потаенным", которому однако не угрожает опасность быть срезанным(впрочем , намёк на гибель от косы и червя есть в черновой версии строфы: И [быть] может обреченный [Размаху гибельной] косы [47] [Иль червь] (ПД 834. Л. 34 об.; ср. VI, 287)

-- Проскурин здесь также отмечает влияние Батюшкова, на этот раз нашего "Выздоровления" и вообще считает Ленского эпигоном Батюшкова) , но потенциально обозначаются опасности в виде " мотыльков и пчелы", а затем в главе 6 ландыш, превращенный в лилию подвергается ( уже окончательно) червю ( 17: "Чтоб червь презренный, ядовитый/ Точил лилеи стебелёк;/ Чтобы двухутренний цветок/Увял ещё полураскрытый"; ср. у Батюшкова: "Склоняет голову и вянет /<...> Я вянул ..<...> /Я от любви теперь увяну")(Набоков 1999: 278-279) . Скажем также, что Набоков не увидел здесь явной параллели со словами Анджело во 2 сцене 2 акта "Measure for Measure" Шекспира начало которой Пушкин перевел в 1833 г. ( в том же году была написана поэма "Анджело" на сюжет пьесы) : "but it is I That, lying by the violet in the sun, Do as the carrion does, not as the flower, Corrupt with virtuous season." (В пер. О. Сороки: Я сам, с фиалкой рядом очутясь/ Под благодатными лучами солнца. / Как падаль, разлагаюсь и гнию,/ А не благоухаю, как фиалка.).

3. См.: Боура С.М. Героическая поэзия. М. 2002. С. 358., а также А.В. Котова. Выпускная квалификационная работа аспиранта на тему: Художественные особенности «Энеиды» Вергилия. СПб, 2016.

4. О лит. цитатах в письмах Батюшкова см.: Пильщиков И. А. Литературные цитаты и аллюзии в письмах Батюшкова: Комментарий к академическому комментарию. 1—2)//Philologica, 1994, т. 1, № 1/2, 205—239. Он же. Литературные цитаты и аллюзии в письмах Батюшкова: Комментарий к академическому комментарию. 3—4)// Philologica, 1995, т. 2, № 3/4, 219—258. ; Он же. Четыре заметки о лит. цитатах в произведениях Батюшкова //Известия АН. Серия литературы и языка, том 58, № 2, Материалы и сообщения , 1999. О цитатах из античной литературы в частности см. :Пильщиков 1994: 207-219 ; Пильщиков 1999: 54-55.

5. Все же несмотря на твердую позицию Малерба , как поэта идущего к классицизму и твердой форме , а также на относительное новаторство его стихов в плане формы , мы не можем отрицать что он позаимствовал это сравнение (утренняя роза, увядающая в назначенный ей час) у Пьера де Ронсара , чья ода «A sa maistresse» (Le premier livre des odes, 17) описывает схожую картину

и чьим преемником оставался Малерб, несмотря на серьезные теоретические разногласия ( об этом см. : Мокульский С.С. Формирование классицизма// История французской литературы. Том 1. М.-Л., 1946—С. 353-359; Brunot F. La Doctrine de Malherbe d'après son commentaire sur Desportes. P., 1891.).

6. Об общем влиянии Ронсара на Батюшкова ( все таки весьма малом, т к арзамасцы к которым поэт примыкал, следуя за Лагарпом и его эстетикой, относились к Ронсару и «Плеяде» с презрением, но это не мешало Батюшкову любить его отдельные вещи) пишет И.Пильщиков(Пильщиков 2009: 247-248). Пильщиков также пишет о цитате из Малерба в ЗК Батюшкова, замечая, что тот внутренне чувствовал ритм этой ст. фразы и впервые отмечает влияние его «Стансов» ( опять же через Лагарпа) на «На смерть супруги Ф, Ф, Кокошкина» и косвенное влияние на «Элизий»(1810) (Пильщиков 2009: 252-254)

7. Об увлечении Ронсаром античностью( оба тома его «Hymnes» напр. написаны под влиянием александрийских поэтов, Валерия Флака и Вергилия) см. : Е.А.Гунст. Ронсар. Лит. энциклопедия, 1937; Ю.Б. Виппер. Поэзия Плеяды.—М., 1976; Silver I. Ronsard and the Grecian lyre.—P. 1-3.—Geneve-P.—1981—1987

8. Эту строфу ср. с началом «Привидения» ( Из Парни) Батюшкова, которое к слову отличается от начала «Le revenant» Э. Парни (более серьезно , лишено элементов галантного острословия, см. Батюшков, Семенко 1977: 539)

9. Почти исчерпывающее сопоставление текстов Парни и Батюшкова см.: В.Н. Топоров. «Источник» Батюшкова в связи с «Le torrent» Парни.—«Труды по знаковым системам», 4. Тарту, 1969.

10. Замечательно, что в этом же письме Батюшков в связи с этой смертью цитирует небезызвестные строки Малерба.

11. Об этом см. : И. А. Пильщиков. Символика Элизия в поэзии Батюшкова// Антропология культуры. М., 2004. Вып. 2. С. 86-123

12. О Тибулле и Батюшкове: И. А. Пильщиков. Тибулловы элегии в переводе Батюшкова: Материалы для академического комментария//Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова, Москва, 2006, 267-336.

13. О Фенелоне и Вергилии см.: Salazar Ph.-J. De Poussin a Fenelon: la corruption classique// Fins de siècle: colloque de Tours. – Bordeaux, Presses Universitaires, 1990.—P. 176.

14. Ср. в «Элегии из Тибулла» почти дословное повторение: «Здесь Парка бледная конец готовит мне,/ Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою.../Неумолимая!» (Батюшков 1989 т.1: 169). У Тибулла (1,3,5) Парка отсутствует : «Abstineas avidas, Mors, modo, nigra, manus./Abstineas, Mors atra, пресог.» -- в переводе А. Фета ( Тибулл Альбий. Элегии/В пер. с объяс. А. Фета.—Москва

1886: 13):» Жадные руки свои, черная смерть удержи!/ 5 Удержи их, прошу, смерть мрачная!». Ср. с стр. Малерба, в его «Стансах»: «Non, non, mon Du Perrier; aussitot que la Parque/ Ote l'ame du corps,/L'age s' evanouit au-deca de la barque,/Et ne suit point les morts.»( Malherbe 1631: 213(2с pag.)) ( см. «Обитель» Грессе и «Мои пенаты» Батюшкова). Ср. также с строками перевода Батюшкова «Сна могольца» Лафонтена, некоторые пассажи которого кстати навеяны Вергилием ( см. Les notes de J.P. Collinet, La Fontaine, oeuvres completes. La Pleiade, p. 1264) : «Пусть парка не прядет из злата жизнь мою/<...>/Без страха двери сам для паркы отопру»(Батюшков т 1 1989: 233), у Лафонтена: «La Parque a filets d'or n'ourdira point ma vie/<...>/Quand le moment viendra d'aller trouver les morts..»( Livre 9, fable 4)( см его же «Эпиграмму на восклицание умирающего Скаронна»).

15. О нем см.: А. Егунов. «Плоды уединения» Гнедича//Роль и значение литературы 18 века в истории русской литературы.М.; Л., 1966. С. 312-319.

## Список литературы

1. Соч. К.Н.Батюшкова. Изд. П.Н. Батюшковым. Со статьею о жизни и сочинениях Батюшкова, написанною Л.Н.Майковым, и примечаниями, сост. им же и В.И. Саитовым. Т. 1-3. СПб., 1885-1887.
- 2.Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. Вступ. ст. , ред. и коммент. И.М. Семенко. М., Наука, 1977.
- 3.Батюшков К. Н. Соч. Т.1, Т.2/ Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. Кошелева, А. Л. Зорина.- М. : Худ.лит., 1989.
- 4.Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида./ М. : Худ.лит., 1979.
- 5.Гнедич Н. И. Плоды уединения./ М., 1802.
- 6.Жуковский В. А. Собр. соч. в 4 томах. Т. 2. /М.: ГИХЛ, 1959.
- 7.Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. —М.: Современник, 1987.
- 8.М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений Том седьмой. Труды по филологии (1739--1758 гг.)/ М.,--Л., Издательство Академии наук СССР, 1952.
- 9.Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер. с англ. / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным нау кам РАН. — М.: НПК «Интелвак», 1999
- 10.Пильщиков И.А. Четыре заметки о лит.цитатах в произведениях Батюшкова//Известия АН. Серия литературы и языка. Том 58, № 2, 1999. --С.54-58
- 11.Пильщиков И.А. Батюшков—Малерб—Ронсар—Иоанн Секунд:(эпизод из истории метрической семантики)// Русская антропологическая школа, Труды, Москва 2009, вып. 6, 306-326. То же: Славянский стих. 8: Стих, язык, смысл, Москва 2009, 244-261.
- 12.ПП.-- Поэзия плеяды. Сборник/Сост. И.Ю.Подгаецкая.—М.:Радуга,1984.
- 13.ПП2.—Петр 1 в русской литературе 18 века.Тексты и комментарии. Отв. ред. С.И. Николаев. С.-Петербург: Наука, 2006.
- 14.Проскурин О. Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова/ НЛЮ.-2003.-№ 64
- 15.Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949.
- 16.РГАЛИ. Ф. 195( И.А. , А.И., П. А. и П.П. Вяземские). Оп. 1. Ед.хр.1416.
- 17.Тибулл Альбий. Элегии/В пер. с объяс. А. Фета.—Москва 1886.
- 18.Фенелон Ф. Странствования Телемака сына Улисса. Ч. 1./ Творение архиепископа Фенелона, вновь предложенное Иваном Захаровым, членом Академии Российской.—2-е изд.— Во граде св. Петра: печ. при Имп. Акад. Наук, 1786.М

- 19.Херасков М.М. Избранные произведения. Вступ. статья, подг. текста и примечания А.В.Западова.—Л.: Сов. писатель, 1961 ( Большая серия «Библиотека поэта»)
- 20.Янушкевич А.С. Книги К.Н. Батюшкова в библиотеке В.А. Жуковского//Русская книга в дореволюц. Сибири: Читательские интересы сибиряков.—Новосибирск, 1989. – С. 3-26
- 21.Delille Jacques. L'Eneide. Tome quatrieme. Paris, 1804.
- 22.Les aventures de Telemaque, fils d'Ulysse. Par Messire Francois Salignac de la Mothe Fenelon...1794
- 23.Mahlerbe F. de. Les OEuvres.2-c ed. P., 1631.
- 24.Polockij Simeon (1629—1680) Vertograd mnogocvetnyj / ed. by Anthony Hippisley a. Lydia I. Sazonova. With a forew. by Dmitrij S. Lichačev. Köln etc.: Böhlau, 1996-2000 (Bausteine zur slavischen Philologie u. Kulturgeschichte. R.B. edition... Bd. 10) / T. 2.-1999.
- 25.Ronsard P. de. Les Oeuvres. Rev.,corn & augment, par l'Autheur. P., 1584